

Едва забрезжил рассвет, Бай Сяньчэнь проснулся от голоса Ху Цина: тот во дворе вовсю понукал учеников готовиться к Церемонии.

Ночные симптомы бесследно исчезли. Юноша потянулся, разминая затекшие мышцы, но его руки коснулись не твердого пола, а... мягкого тюфяка.

Сердце пропустило удар. Бай Сяньчэнь резко сел. Сон оказался явью – он действительно спал на кровати.

Протирая заспанные глаза, он перевел взгляд на Ледяную Красавицу, лежавшую на подушке рядом.

За ночь вне стен Зеркала цветок заметно потускнел, пышные лепестки поникли, выглядя безжизненными.

При виде этого увядания подозрения Бай Сяньчэня тут же испарились. Он осторожно потыкал пальцем в лепестки, пытаясь «разбудить» Красавицу:

— Слушай, я же точно засыпал на полу. Как я на кровати-то оказался? Это ты меня перетащила? Ничего себе, какая ты сильная.

Цветок не шевелился.

Бай Сяньчэнь снова тронул его:

— Эй, ты же не собираешься завять у меня на глазах?

Однако, как бы Бай Сяньчэнь ни докучал растению, Ледяная Красавица не подавала признаков жизни.

Он улегся на живот, подперев подбородок руками, и принялся разглядывать цветок, бормоча под нос:

— Слышал я как-то слухи, мол, глава секты Се Уцзю – это лотос ледяного сердца, обретший человеческий облик. Как этот лотос выглядит? Так же, как ты?

На этот раз, не дожидаясь ответа, Бай Сяньчэнь уверенно мотнул головой:

— Да ну, вряд ли. Бьюсь об заклад, ты гораздо красивее.

Когда-то Бай Сяньчэнь прямо спросил Се Уцзю: «А как выглядит ваша истинная форма?»

Се Уцзю, как обычно, проигнорировал праздное любопытство:

— Коль скоро ты стал моим учеником, тебе следует сосредоточиться на практике. Пустые разговоры бесполезны. Впредь не открывай рта, если дело не касается Великого Пути или самосовершенствования.

Бай Сяньчэнь уже давно привык к суровости учителя и пропускал подобные замечания мимо ушей:

— О-о, так значит, истинный облик учителя просто не задался, вот вы и стесняетесь показывать?

Се Уцзю не терпел его дерзкого, насмешливого тона. Он взял со стола нефритовый свиток и легонько постучал им ученика по макушке:

— Глубина Дао никогда не определяется внешней оболочкой.

Се Уцзю хотел напомнить, что у всего в мире есть скрытая суть и не стоит судить по внешности.

Но у Бай Сяньчэня был свой фильтр восприятия: он истолковал это по-своему. Раз учитель так говорит – значит, его истинный облик и впрямь невзрачен, и он просто оправдывается.

Решив из милосердия больше не задевать болезную тему, Бай Сяньчэнь весело подмигнул:

— Ладно, учитель. А я? Вам я кажусь красивым?

Се Уцзю помолчал, прежде чем спросить в ответ:

— ...И каковы же критерии красоты?

Бай Сяньчэнь склонил голову набок:

— Ну, если при взгляде на мое лицо у учителя поднимается настроение, значит, я красив.

Се Уцзю остался невозмутим:

— А если при взгляде на тебя мне хочется приложить тебя рукой?

Но Бай Сяньчэнь не унимался, напротив – просиял:

— Ха! Поймал! Это только доказывает мою красоту – учитель просто завидует моей внешности!

Се Уцзю лишь спустя мгновение смог выдавить из себя:

— ...У всех людей лица из плоти и крови, но твое, очевидно, вытесано из чего-то иного. Даже тысячелетний лед уступит в твердости твоей коже.

Это был первый случай после вступления в секту, когда Бай Сяньчэню удалось вывести Се Уцзю на разговор, не касающийся Великого Пути.

Настоящий прорыв.

Бай Сяньчэнь задал ещё несколько вопросов, но, увидев, что Се Уцзю и впрямь готов снова взяться за нефритовый свиток, поспешно сменил тему. Позже он не раз возвращался к ней, однако учитель больше никогда не рассказывал о своём истинном облике.

Точно что-то неприглядное.

В любом случае, вряд ли тот лотос сравнится с этим цветком из Зеркала.

Бай Сяньчэнь с удовлетворением осмотрел Ледяную Красавицу.

Увидев, что хозяин в порядке, компас фэншуй у двери прекратил свою вахту. Бай Сяньчэнь поднял артефакт, положил его рядом с цветком и наставил:

— Нам теперь часто придется работать вместе. Вы, братья, должны жить дружно.

Он погрозил пальцем Лопаню:

— Ты как старший должен приглядывать за младшим.

Компас резко выкинул механическую лапку, отбиваясь от пальца.

Бай Сяньчэнь фыркнул и переключился на Красавицу:

— А ты как младшая относишься к старшему с почтением. Поняла? У меня много дел, и я не хочу видеть ваших склок.

У цветка не было рук, чтобы отпихиваться, так что Бай Сяньчэнь вдоволь натыкался в него пальцем.

Он свято верил: «Если дети ссорятся – значит, отец никудышный», поэтому решил провести профилактическую беседу заранее. Впереди его ждали великие свершения, и отвлекаться на капризы магических артефактов было некогда.

Поскольку ночные приступы были непредсказуемы, второй путь – ночные вылазки – оказался под угрозой срыва. Нужно было действовать наверняка.

После долгих раздумий Бай Сяньчэнь решил всё-таки участвовать в Великой церемонии.

Пробиться в ряды внутренних учеников, не привлекая лишнего внимания своим мастерством, для него было несложно. Это было куда безопаснее и перспективнее.

Сказано – сделано. Он изложил свое желание участвовать в записке и тут же выскочил на улицу, чтобы вручить ее Ху Цину.

Лицо Ху Цина вытянулось. Только он собрался отговорить бедолагу, как Бай Сяньчэнь, предугадав реакцию, всучил ему вторую записку: «Если не запишешь ты, я сам пойду к старейшинам».

Ху Цин постоял в молчании, махнул рукой и ушел. Однако вскоре он вернулся, нагруженный стопкой книг по алхимии.

Церемония устраивалась ради Старца Ста Трав, а значит, испытания наверняка будут связаны с приготовлением снадобий.

Этого Бай Сяньчэнь не боялся.

Когда он только попал в этот мир, Система дала ему роль «отпрыска побочной ветви семьи Бай, славящейся искусством ядов». Он обучался в главной усадьбе Бай, и немалая часть знаний о ядах пересекалась с алхимией.

В этом он был по-настоящему талантлив.

Десять лет назад, приходя в секту, он выбирал между путями мечника, талисманиста, алхимика и прорицателя. Тогда он рассудил, что в алхимии его шансы выше, и приложил немало усилий – он ведь изначально хотел в ученики к Старцу Ста Трав.

Правда, в этот раз он не собирался ни к кому напрашиваться в преемники. Достаточно будет просто получить статус внутреннего ученика.

Бай Сяньчэнь с благодарностью принял книги.

Другие ученики во дворе видели этот жест и сразу догадались, что Ван Кэ намылился на Церемонию. Стоило Ху Цину уйти, как за дверью начались пересуды.

Над Ван Кэ потешались открыто: немой, бездарный, прыгает выше головы.

Бай Сяньчэнь использовал эти ядовитые смешки как фоновый шум, лениво листая одну из принесенных книг.

Рядом с ним компас фэншуй медленно подбирался к цветку. Он вытянул лапку, явно собираясь столкнуть Ледяную Красавицу со стола.

Лопань никак не мог взять в толк, почему Се Уцзю не уходит.

Ладно прошлой ночью – экстренная ситуация, старая привязанность, нельзя бросать ученика в беде. Но сегодня-то что?

К тому же вчерашняя ситуация и близко не была смертельной.

Компас не ожидал, что от его легкого толчка лотос ледяного сердца действительно соскользнет со стола.

Лопань замер: «?»

Бай Сяньчэнь ловко подхватил Красавицу. Он сердито зыркнул на компас и отодвинул цветок подальше, запретив железке приближаться.

Лопань от возмущения завращался как безумный. Десятки раз стрелка была по отметке «Уцзю».

Внимание Бай Сяньчэня переключилось на артефакт. Он долго и отрешенно смотрел на эти иероглифы.

Почуввав, что настроение хозяина упало, Лопань мгновенно остановился.

Бай Сяньчэнь склонил голову, прижавшись щекой к прохладному краю лепестка, и тихо прошептал:

— Знал бы я тогда... надо было всё-таки идти к Старцу Ста Трав.

Все эти годы в нем жила ненависть.

Ненависть к тому, что они с Се Уцзю встретились слишком поздно. Или слишком рано.

На самом деле, больше всего ему следовало ненавидеть сам факт их встречи.

Как только он замолчал, компас, не ожидавший такой реакции на свою выходку, словно застыл. Обладая «божественным взглядом», он вдруг побоялся даже шелохнуться.

Бай Сяньчэнь ещё немного предавался невесёлым мыслям, а затем вернулся к чтению. В тот миг, когда он отвернулся, из сердцевины Ледяной Красавицы вырвались нити инея и устремились к компасу.

Раздался резкий хруст.

Бай Сяньчэнь настороженно обернулся. Стрелка Лопаня была намертво скована льдом, а иероглифы «Уцзю» под ней пошли густой сетью трещин.

Спустя миг лед и трещины исчезли. На компасе не осталось ни царапины, вот только надпись «Уцзю» стерлась без следа.

На артефакте больше не было упоминания об Уцзю.

В то же время лепестки Красавицы дрогнули, духовное восприятие всколыхнулось – казалось, в следующую секунду она исчезнет.

Бай Сяньчэнь ничего не заметил. Он лишь поразился чудесному преобразению компаса и растроганно потерялся о лепестки цветка:

— Какая же ты умница, как ты меня понимаешь! Откуда ты узнала, что я не хочу видеть эти слова? Я тебя просто обожаю, спасибо.

Ледяная Красавица снова замерла, не двигаясь.

Промерзший до основания компас фэншуй: «...»

Пожалуй, в этом мире никто, кроме Се Уцзю, не понял бы его отчаянного желания заговорить.

<http://bllate.org/book/19453/1908641>